

14 ЯНВ 1981

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
Г. МОСКВА

Мы сразу втягиваемся в этот мерный ритм повествования, подобный качивающемуся движению верблюда по осенней степи, далеко открытой взору.

«Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запага на восток...»

А по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства — Сары-Озек, Серединные земли желтых степей.

В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана... А поезда шли с востока на запад и с запада на восток...»

Есть что-то завораживающее в стиле Чингиза Айтматова. Волны словесных повторов, лейтмотивов обращают сознание к музыкально-поэтической стихии. Пространство его прозы последних лет обычно распахнуто вширь и в небо; здесь бывает душно и тесно лишь в моменты человеческих кризисов, драм, предательства, неестественных смертей. Как только проходят эти бешеные вспышки рукотворного зла, все снова успокаивается в мире, природа вновь с человеком и человек с ней, «и дольше века длится день».

На железнодорожном разъезде Боранлы-Буранный, затерянном в казахской степи, свершается человеческая жизнь. Она постигается писателем как момент вечности, который в сжатом, спрессованном виде содержит все готовности и всю историю человеческого рода. Индивидуальная жизнь у Айтматова — и жизнь, и метафора жизни одновременно. Иначе не понять его прозы.

И сама затерянность героев в мироздании, будь то далекий лесной кордон в «Белом пароходе» или одинокая лодка в безбрежном море («Пегий пес...»), тоже не случайная — устойчивая примета айтматовских сюжетов. Не об одиночестве в экзистенциалистском смысле этого понятия здесь речь, а, наоборот, о поразительно стойком чувстве жизни и человеческой солидарности, побеждающем, несмотря ни на что, вопреки самой этой, внешне подчеркнутой, затерянности, которая и нужна-то автору лишь для того, чтобы рельефно и четко очертить центр собственной художественной вселенной, откуда исходят в мир теплые волны добра, совести, надежды.

Чингиз Айтматов впервые обратился к жанру романа. Собственно, «Прощай, Гульсары!» и «Белый пароход» уже были романами по внутреннему авторскому заданию, по масштабу охвата жизни, по той художественной концепции человека и времени, которая открывалась в них. Но писатель не терпелся называть романами свои разрозненные социально-философские притчи. Он как бы готовился к выходу на новую, более сложную орбиту творчества.

Сейчас этот выход сделан. «И дольше века длится день» — роман сложного состава, где сплетаются быт и предание, реальность и фантазия, день и век. Писатель по-прежнему опирается на народные легенды и мифы, проверяя современность моральным опытом предыдущих поколений. И впервые вводит фантастический сюжет, космическую историю, которая, по его словам, сказанному в предисловии к роману, вымыслена с одной лишь целью — «заострить в парадоксальной, гиперболизированной форме ситуацию, чреватую потенциальными опасностями для людей на земле».

«Новый мир», № 11, 1980.

Надо рассказать об этом произведении, как бы вживаясь в него, покоряясь стихий авторского слова и одновременно оценивая, отходя на расстояние от его конфликтов и героев. Надо представить себе маленькую точку на Земле и одновременно звездную бездну и понять, как тесно, как неразрывно связаны они в бесконечном космосе жизни.

Такое сознание в полной мере присуще автору романа. Оно передается читателям, и мы начинаем видеть, как сквозь частные, индивидуаль-

люди, которые живут на свете, все они наши сестры и братья, и без них мы не сможем и мыслить себя, хотя, мы знаем, на самой Земле это далеко не так...»

А на Земле умирает старый Казангап, верный друг Едигея. С ним надо достойно проститься, предать его сарозекской земле на древнем кладбище Ана-Бейит. Осенней ночью, провожая взглядом космическую ракету, огненной чертой пронзившую черное небо, Едигей не подозревает о том, что чрезвычайное происшествие на орбитальной станции коснется и его жизни.

Рано утром на третий день все было готово. Едигей вместе с несколькими друзьями и родственниками покойного везет Казангапа на кладбище. Процессию вышли проводить все жители разъезда от мала до велика. Собственно, тридцатикилометровый путь на Ана-Бейит и есть тот день, который длится дольше века. Медленно ступает, покачиваясь, верблюд

па, прощается с ним, перебирая в памяти дни его и своей жизни...

А между тем из немыслимой астрономической дали летят на Землю слова трансгалактической передачи о жизни на планете Лесная Грудь. Ее обитатели, столь похожие на людей, не знают государства, не знают оружия, не знают войн. Они умеют владеть колоссальной энергией и управляют климатом. «Со временем и на нашей Земле люди придут к столь великому прогрессу...» Но разве нельзя уже сегодня слить воедино два вселенских разума, разве не помогут эти контакты успешней решить и земные, и лесногрудские проблемы? У счастливых инопланетян есть «свой тяжкий крест» — значительная часть их планеты, постепенно высыхая, становится непригодной для жизни. Они заняты и другими сложными вопросами нравственного, морального, интеллектуального порядка, не совсем понятными и доступными нам «в силу нашего эзоповского стереотипа мышления». Дети великой цивилизации, они и ведут себя как дети, ибо от-

ливо и что несправедливо в жизни. Ведь наверняка там, откуда все это происходит, знают в тысячу раз больше, чем он, Буранный Едигей. Там виднее, чем ему здесь, в сарозеках. Его ли то заботы? И все равно не мог успокоиться».

Едигей не смог похоронить Казангапа на родовом захоронении: космодром раздвинул свои границы. Над развернутой могилой друга, вырытой на обрыве в диком, безлюдном месте, Едигей обращается с молитвой к богу и к людям.

Бог Едигея — это совесть и память людская, их тяжкая и просветленная мысль о смысле человеческой жизни. Что сказать себе и другим в великий час смерти? Постигнуть свою человеческую сокровенность можно, лишь возвысившись в мыслях так, как если бы каждый вдруг оказался богом, равным в чувствах и разуме всему живому...

Я пишу один из первых откликов на журнальный вариант айтматовского романа, опуская иные сюжетные повороты, совершенно не касающиеся многих характеров, особенно женских и детских,

го человека. А как прекрасно написаны другие обитатели степи: голодная, чуткая лисица или коршун-белохвост, дважды в день облетающий свои угодья. Они живут здесь, казалось бы, от сотворения мира и придают окружающему устойчивый смысл, не всегда постигаемый людьми с их суетностью короткого и слишком практичного сознания.

Космический миф о планете Лесная Грудь, созданный писателем, встает в один ряд с народными преданиями. И верблюд, и лисица, и коршун, и человек оказываются втянутыми в мистерию бесконечной жизни, которая, возможно, существует и вне Земли, и там хороша, справедлива, свободна в гораздо большей степени, чем наша, уже потому, что рождена поэзией, идеальной человеческой мечтой.

Но планета Земля — другое дело. В предисловии к роману Айтматов пишет: «Должно быть, самое трагическое противоречие конца XX века заключается в беспредельности человеческого гения и невозможности реализовать его из-за политических, идеологических, расовых барьеров, порожденных империализмом».

Великое космическое открытие пришло слишком рано. Оно с новой силой, как сказано в романе, обнаружило «коренные противоречия двух различных общественно-политических систем на Земле».

Мне думается, что писатель мог бы гораздо более четко показать разность взглядов и подходов сторон к этой космической драме. Он подчеркивает паритетность партнеров, глухо говоря о внутренних непримиримых разногласиях, неизбежных, когда дело идет о социализме и капитализме. В одном автор прав безусловно: человечество далеко еще не готово к мировой гармонии, думать иначе было бы непростительной утопией, утешительской ложью.

Перед внезапной возникшей угрозой военного конфликта стороны пришли к компромиссу. Они отказались от контактов с новой цивилизацией и решили не допускать возвращения паритет-космонавтов на Землю.

Разумом читатель принимает это решение. Но сердцем он не соглашается с ним. Боже мой, как смертельно жалко этих ребят, напрасно посылающих на бедную, отторгнувшую их Землю сигналы героического безумия!

«Ракеты уходили в дальний космос закладывая вокруг земного шара постоянно действующий кордон, чтобы ничего не изменилось в земных делах, чтобы все оставалось как есть...»

Но разве не изменилось ничего вокруг? Разве может пройти бесследно для человечества разыгравшаяся космическая трагедия, ничему не научив его, не открыв ему новые горизонты борьбы и стремлений? Нет, не пессимизм, не апокалипсические настроения рождает она, а совсем другие, созидательные чувства. Пока приходят на Землю люди, по добные Едигею и Казангапу, геологу Елизарову и учителю Куттыбаеву, жизнь, какой бы трагичной она ни была, будет набирать все новые и новые соки и упорно тянуться вверх в небо, к космосу человеческого единства.

Идея грядущего коммунистического братства светит любимым героям Чингиза Айтматова, подобно яркой звезде над степью, где прошли века и дни их жизни, полные бескорыстного труда и драматических испытаний. Внеземная цивилизация тоже посылает сюда свой не узнаваемый нами светно судьбу свою земную мы должны выстрадать и выстроить все-таки сами, без волшебного участия инопланетного разума. Таков один из главных итогов этого романа-метафоры, романа-предупреждения...

Евгений СИДОРОВ

ЗВЕЗДА НАД СТЕПЬЮ

О романе Чингиза Айтматова
«И дольше века длится день»

ные, конкретные образы просвечивают их общечеловеческое, философское содержание. Новый масштаб замысла потребовал и нового художественного взгляда, и Айтматов, идя на риск, вводит в свой красочный стиль прямое, суховато-информативное публицистическое слово. Так время формирует стиль. Так идеологически усложнившаяся эпоха вносит в роман императивную логику борьбы между войной и миром, между двумя социально-политическими системами, в которой давно участвует, хочет он этого или нет, каждый представитель мыслящего и страдающего человечества.

Едигей Жангельдин, ровесник Советской власти, железнодорожный рабочий, по прозвищу Буранный Едигей — один из них. Его жизнь кровно причастна народной судьбе, трудной истории социалистического строительства. Он находится в центре романа и далее, по авторской воле, в центре всего мироздания, созданного айтматовским воображением.

Два сюжетных круга образуют пространство и время романа: круг земной жизни и круг космической одиссеи. Медленные поезда, которые встречает Едигей, словно бы опоясывают землю с востока на запад и с запада на восток. Со степного космодрома, расположенного рядом, проложен путь на американо-советскую орбитальную станцию «Паритет».

Два космонавта, представители США и СССР, получившие сигналы с далекой планеты Лесная Грудь, самовольно, без разрешения Центра покидают станцию и доставляются на корабле инопланетян в новую цивилизацию. Паритет-космонавты оставляют людям письмо: «Мы пережили скачок сознания, переворот, преобразование в своих представлениях о мироустройстве и обнаружили вдруг, что стали мыслить совсем иными категориями, чем до этого... Мы осмелились взять на себя небывалую ответственность — выступить перед лицом носителей внеземного разума от имени всего человеческого рода, в соответствии со своими убеждениями и совестью... Мы уходим в неизвестность. Нас ведет туда жажда знаний и вневременная мечта человека открыть себе подобные разумные существа в иных мирах, с тем чтобы разум объединился с разумом. Однако никому не известно, что таит в себе опыт внеземной цивилизации — благо или зло для человечества? Мы постараемся быть объективными в своих оценках... Мы прощаемся... Нам кажется отсюда, что все

Каранар, неся в седле своего хозяина, Едигея, Запеленутое в плотную кошку тело Казангапа едет, покачиваясь, в тележке, прицепленной к трактору «Беларусь».

Разные мысли навевают Едигея. «Поглядывая, как солнце поднималось над горизонтом, отмеряя времени течение, вспоминал... те дни, когда они с Казангапом были молоды и в силе и являлись, если на то пошло, главными постоянными рабочими на разъезде, другие-то не очень задерживались на Боранлы-Буранном, как приходили, так и уходили. Им с Казангапом времени не хватало передохнуть, потому что, хочешь не хочешь, приходилось, ни с чем не считаясь, делать по разъезду всю работу, в какой только возникала необходимость. Теперь в слух вспомнить об этом нелегко — молодые смеются: старые дураки, жизнь свою губили. А ради чего? Да, действительно, ради чего? Значит, было ради чего».

Было ради чего! Жизнь Едигея вместила в себя столько горького и радостного вперемежку, так достойно была прожита, что можно с гордостью признаться на ее закате: я не совершил ничего такого, чего стоило бы стыдиться. Фронт, тяжела контузия, полугодные послевоенные годы, рождение детей, постоянное чувство дома, общности, одной семьи с товарищами — железнодорожными рабочими, святое чувство социалистического Отечества, которому служишь ежедневно, честно и бескорыстно. И только одно тревожит Едигея, не дает ему покоя: как передать детям, выросшим в сравнительном благополучии, не знавшим нужды и лишений, эту взыскующую ответственность за судьбу родной земли, причастность к доле своего народа, как не дать взойти в их душах семенам эгоизма, легкого беспамятства, равнодушия при встрече со злом и несправедливостью?

Это Казангап, случайно встретив в сорок четвертом Едигея с его женой Укубалой, привез их на далекий степной разъезд. Тогда Едигей был очень плох, еще не оправившись от контузии, маленький сын умер, семья была не устроена, и Едигей согласился покинуть отчие аральские края и навсегда приобрел себе самого близкого друга, работу и новую малую родину. Сам Казангап, сын раскулаченного, тоже повидал немало лиха, но сохранил на всю жизнь стойкую веру в справедливость, за которую надо бороться. И теперь Едигей хоронит Казанга-

крыты вселенскому общению и протягивают руку земным братьям.

Космонавты предлагают Центру ответить согласием на встречу. При этом они не скрывают сомнений: «Готовы ли мы, земляне, к подобного рода межгалактическим встречам, достаточно ли мы зрелы для этого как мыслящие существа? Сможем ли мы при нашей разобщенности и существующих противоречиях выступить в единстве нашим, как бы уполномочивая самих себя от имени всего человеческого рода, от имени всей Земли?»

Но сомневаясь, они все-таки верят и говорят: «До скорой встречи...» Медленно тянутся степные километры. Где-то слышны поезда, идущие с востока на запад, с запада на восток. Едигей вспоминает учителя Абуталипа Куттыбаева, безвинно сосланного в Боранлы-Буранный и вскоре погибшего по навету. Едигей возвращается мыслями к русскому геологу Елизарову, своему давнему знакомому, который через несколько лет помог восстановить доброе имя Абуталипа: «Как бы тяжело ни пришлось расплываться за ошибки и промахи, но продвижение на неизведанном пути не остановилось — в этом суть истории».

Могучая вера движет лучшими людьми айтматовской прозы. Трудности, страдания укрепляют их души. Таковы были Дююн из «Первого учителя», Толгой из «Материнского поля», Танабай из «Прощай, Гульсары!». Таков Буранный Едигей, труженик и философ, человек с планеты Земля.

Автор подробно рисует его характер, который с полным правом можно назвать героическим, хотя Едигей и не совершал никаких громких подвигов. Нравственным подвигом, ежедневным и неприметным, стала вся его жизнь. В образе этого рабочего Айтматов выразил свои представления о человеческом достоинстве. Мы часто сетуем, что у нас в литературе не хватает положительных героев. Вот прекрасный писательский ответ на эти запросы, весьма далекий от какой-либо идеализации, прекраснотушения, лукавого стремления выдать желаемое за сущее.

Постоянная готовность прийти на помощь другому в высшей степени свойственна этому человеку.

«Работая, степняк, каким несть числа на свете, ему ли негодовать, ему ли возмущаться, тревожиться свою совесть вопрошать, что справед-

как всегда, наполненных у автора душевным сочувствием, светом сопереживания. Есть у меня и расхождения с писателем. Меня, к примеру, порою не убеждают речевые характеристики некоторых персонажей, точность их слова в диалоге. Иногда кажется, что в книге встречаются длинноты, которых можно было бы избежать. Возможно, автор не согласится со мной, но сказать об этом я должен, пусть даже и в бегло-рецензионном тоне, не прибегая пока к подробным и развернутым доказательствам. И все же не о расхождениях сейчас речь. Они мелки по сравнению с тем, что возмужало тебя, чему ты поверил.

Критика будет много раз обращаться к роману Чингиза Айтматова. Это для меня несомненно. Ощущение значительности и глубины книги возникает уже при первом ее прочтении; в дальнейшем замечаешь новые, ранее упущенные тобою детали, проясняется художественная логика ее развития. Сильное впечатление производит легенда о манкурте — человеке, у которого отняли память. Мотив народной памяти, столь настойчиво звучащий в нашей современной многонациональной прозе, у Айтматова окрашен властной интонацией предупреждения, гнева, сострадания. «В сердцах, ненависти и жале», думает Едигей о сыне Казангапа Сабитжане, потерявшем духовную связь с родной землей. Старое кладбище Ана-Бейит, вытесняемое космодромом, живо напоминает распутинский остров, навсегда уходящий под воду. Но Айтматов оставляет надежду, его Едигей — герой активного, социального действия. В финале романа он отправляется убеждать, доказывать, отстаивать необходимость сохранения могил предков, той вечной памяти, без которой нет полноты в нашем будущем.

Земное и космическое свободно уживаются в айтматовской природе, в ее круговоротах, циклах, рождениях и смертях. Необычайно живописен своеобразный верблюд Каранар, когда-то сосунком подаренный Едигею Казангапом, существо совершенное по своей дикой бунтующей силе, неистово свободной стихии, вводимой в разумные берега волей добро-